

УДК 81'373

**АНГЛИЦИЗМЫ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ:
СПОСОБЫ АДАПТАЦИИ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ****Линь Сюй,**

Студент 4-го курса бакалавриата направления подготовки 45.03.02 «Лингвистика»
Филологический факультет, Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени
Патриса Лумумбы», Москва, Россия

Цзян Цзымин,

Студент 4-го курса бакалавриата направления подготовки 45.03.02 «Лингвистика»
Филологический факультет, Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени
Патриса Лумумбы», Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматривается, как английские слова, связанные с цифровыми медиа, приспособляются к русскому и китайскому языкам. Сопоставление проводится на примерах названий интернет-профессий, платформенных действий и технических понятий. Показано, что русский язык обычно сохраняет звуковую основу заимствования и включает её в словоизменение и словообразование, тогда как китайский язык сочетает фонетическую передачу, калькирование и смысловой подбор морфем. В медиатексте такие единицы называют новую реалию и одновременно могут указывать на профессиональную среду, новизну, престиж или ироническую оценку. Предложенная четырёхэтапная схема — перенос формы, графическая адаптация, грамматическая или морфемная интеграция и дискурсивная переоценка — позволяет отличить освоенное заимствование от временного иноязычного вкрапления.

Ключевые слова: англицизм, заимствование, медиадискурс, языковой контакт, адаптация, русский язык, китайский язык.

**ANGLICISMS IN RUSSIAN AND CHINESE MEDIA DISCOURSE:
ADAPTATION PATTERNS AND PRAGMATIC FUNCTIONS****Lin Xu,**

Fourth-year bachelor's student, degree programme 45.03.02 Linguistics
Faculty of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba", Moscow, Russia
E-mail: 3204282048@qq.com

Jiang Ziming,

Fourth-year bachelor's student, degree programme 45.03.02 Linguistics

Faculty of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

"Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba", Moscow, Russia

E-mail: 1473863077@qq.com

ABSTRACT

The article examines how English words associated with digital media are adapted in Russian and Chinese. The comparison uses names of online professions, platform actions and technical concepts. Russian generally retains the sound shape of a borrowing and integrates it through inflection and derivation, whereas Chinese combines phonetic rendering, calquing and the semantic selection of morphemes. In media discourse, these units name new realities and may also index professional affiliation, novelty, prestige or ironic evaluation. A four-stage model – form transfer, graphic adaptation, grammatical or morphemic integration, and discursive re-evaluation – helps distinguish an established borrowing from a temporary foreign insertion.

Keywords: Anglicism, borrowing, media discourse, language contact, adaptation, Russian language, Chinese language.

Английский язык занимает важное место в международной науке, технологиях, бизнесе и массовой культуре. Новые обозначения быстро распространяются через новости, рекламу, блоги и профессиональные платформы, после чего включаются в национальные языки. Заимствование является нормальным результатом языкового контакта, но его формы и общественная оценка зависят от структуры принимающего языка и коммуникативной ситуации [1, 2].

Русский и китайский языки используют разные системы письма и словообразования, поэтому один английский прототип может получать различные формальные решения. Сопоставление позволяет отделить общие процессы глобального медиадискурса от структурных ограничений конкретного языка. Цель работы – систематизировать способы адаптации англицизмов и определить их основные функции в русских и китайских медиатекстах.

Работа имеет теоретико-сопоставительный характер. Материал составили классические исследования языкового контакта и заимствования [1-3], международные труды об англизации лексики [4-6], а также публикации об адаптации иностранных слов в русском и китайском языках [7-10]. Иллюстративные единицы используются для объяснения механизмов и не образуют частотный корпус.

Описательный метод выявляет форму и сферу употребления; словообразовательный фиксирует производные модели; семантический сопоставляет значение прототипа и заимствованной единицы; функционально-прагматический определяет роль в медиатексте. Сопоставление проводится по четырём параметрам: графика, фонетическая передача, грамматическая интеграция и дискурсивная функция.

Э. Хауген определяет заимствование как воспроизведение в одном языке элементов модели другого языка и различает импорт формы и замещение собственным материалом [1]. Это различие охватывает прямые заимствования, кальки и смешанные образования. У. Вайнрайх связывает результат контакта со структурой языков и социальными условиями

двуязычия [2]. Поэтому внешнее происхождение слова ещё не объясняет способ его функционирования.

Типологические исследования показывают, что лексика заимствуется чаще грамматических показателей, но вероятность зависит от предметной области и интенсивности контакта [3]. В медиадискурсе распространение ускоряется: журналисты и пользователи видят новый термин почти одновременно, а алгоритмические рекомендации многократно воспроизводят удачную формулу. При этом ранняя вариативность написания является закономерным этапом освоения.

Русский язык обычно передаёт английскую звуковую форму кириллицей, после чего слово включается в систему рода, числа и падежа. Существительные получают окончания, а основа становится производящей для прилагательных и глаголов. Так заимствование перестаёт быть изолированной цитатой и участвует в русских моделях словообразования. Степень интеграции можно оценивать по устойчивости написания, склонению и появлению производных.

На раннем этапе конкурируют латинская запись, транслитерация и варианты произношения. Выбор зависит от жанра: профессиональный текст дольше сохраняет исходную форму, массовое сообщение быстрее приспособливает её к чтению. Л. П. Крысин отмечает, что общественная активность и изменение сфер общения усиливают приток иноязычной лексики [7]. Однако распространённость не означает одинаковой уместности во всех стилях.

Китайская письменность не позволяет механически перенести английское слово в основной иероглифический текст. Используются фонетическая передача, смысловое калькирование, комбинация звукового и смыслового компонентов, а также латинские сокращения. Выбор связан с длиной, узнаваемостью бренда, терминологической точностью и возможностью создать прозрачное сочетание китайских морфем [9].

Смысловой перевод часто удобнее для общеупотребительного понятия, потому что сразу раскрывает категорию. Фонетическая модель сохраняет связь с международным названием и может усиливать рекламную выразительность. Некоторые варианты сосуществуют и распределяются по жанрам. Исследования английских заимствований в китайском языке подчёркивают особую роль калькирования, обусловленную устройством письма и морфемной структурой [10].

После заимствования значение может сузиться, расшириться или получить новую оценку. Принимающий язык выбирает только ту часть исходной семантики, которая нужна конкретной сфере. Медийное повторение закрепляет наиболее заметный вариант, а связь с английским прототипом постепенно ослабевает. Поэтому совпадение формы не гарантирует полного межъязыкового эквивалента.

Особый случай составляют псевдоанглицизмы и гибриды: они создаются из английского материала, но не употребляются в том же значении в английском языке. Европейские исследования демонстрируют, что англицизация включает не только прямой импорт, но и национальное словотворчество [4]. Для переводчика такие единицы опасны, поскольку внешняя узнаваемость провоцирует буквальный перевод.

Первая функция — номинативная: англицизм обозначает технологию, профессию или формат, для которого ещё нет устойчивого краткого эквивалента. Вторая — компрессивная: международное сокращение экономит место в заголовке. Третья — индексальная: слово связывает автора с профессиональной группой или глобальной культурой. Четвёртая — оценочная: новая форма создаёт эффект современности, престижности либо иронии.

Пятая функция — привлечение внимания. Необычное написание выделяется в информационном потоке и повышает запоминаемость заголовка. Однако чрезмерное

употребление снижает доступность текста и может скрывать неопределённость содержания. Исследования англицизмов в европейских языках предлагают различать необходимые заимствования и стилистические заимствования, конкурирующие с понятными национальными средствами [5, 6].

Для русского и китайского медиадискурса общими являются высокая скорость распространения, тематическая концентрация в технологиях и бизнесе, вариативность на раннем этапе и способность маркировать социальную идентичность. В обоих языках единица проходит путь от заметного иностранного элемента к нейтральному слову, если становится частотной и включается в продуктивные модели.

Главное различие определяется письмом. Русская кириллица позволяет относительно последовательно передавать звучание и присоединять аффиксы; китайская система стимулирует смысловую реконструкцию и выбор значимых знаков. Поэтому русская адаптация чаще заметна на уровне грамматики и словообразования, китайская — на уровне выбора между фонетической и семантической стратегиями. Эти тенденции являются вероятностными, а не абсолютными.

Оценивать англицизм следует по точности, распространённости, понятности и жанровой уместности. Запретительный подход не учитывает потребность в международной терминологии, а безусловное принятие затрудняет коммуникацию с широкой аудиторией. Е. В. Маринова показывает, что степень освоенности и функция иноязычного слова меняются во времени [8]. Редактору поэтому важно фиксировать текущую норму, а не только происхождение.

В переводе необходимо определять не формальное соответствие, а функцию. Международный термин можно сохранить, рекламный англицизм — передать аналогичным маркером новизны, а непрозрачную единицу — заменить описанием. Для учебных целей полезно сопоставлять варианты по сфере, адресату и стадии освоения. Такой анализ развивает языковую осознанность без сведения контакта языков к противопоставлению нормы и ошибки.

Англицизмы в русском и китайском медиадискурсе отражают глобальные информационные потоки и структурные возможности принимающих языков. Русский язык преимущественно интегрирует форму через кириллическую передачу, словоизменение и деривацию; китайский сочетает транскрипцию, калькирование, смысловой перевод и латинские сокращения. В обоих случаях семантика может изменяться.

Функции англицизмов выходят за пределы названия: они обеспечивают компрессию, выражают оценку, индексируют профессиональную принадлежность и привлекают внимание. Обоснованная редакторская оценка должна учитывать адресата, жанр, наличие понятного эквивалента и степень освоенности. Перспективу представляет сопоставительный корпусный анализ одинаковых тематических рубрик за единый период.

Для сопоставления выбраны не случайные иностранные слова, а цепочки, в которых видна дальнейшая продуктивность основы. Русское блог образует блогер, блогерский и блогосфера; стрим — стример, стримить и стриминговый. Появление производных показывает, что единица уже работает по правилам принимающего языка, даже если сохраняет оттенок новизны.

«Редакция запустила новый блог о городской культуре» (освоенное существительное). Форма блог склоняется и не требует пояснения в общем медиаконтексте.

«Команда будет стримить презентацию продукта» (глагольная деривация). Английская основа получает русский суффикс и парадигму спряжения; гибридность становится признаком высокой степени грамматического освоения.

博客 (bókè, «блог») (фонетико-семантическое заимствование). Первый знак связан с широтой знания, второй — с гостем; вместе они передают звучание английского blog лишь

приблизительно, но образуют семантически приемлемое название сетевого жанра. Единица и модель её освоения рассматриваются в исследованиях английских заимствований в китайском языке [9, 12].

黑客 (hēikè, «хакер») (фонетико-семантическое заимствование). Сочетание буквально включает значения «чёрный» и «гость», поэтому вместе со звуковым сходством получает оценочную окраску, связанную с несанкционированным доступом. На материале слова hacker С. Чэнь показывает, что адаптация затрагивает форму, значение и оценку единицы [11].

粉丝 (fěnsī, «фанат, поклонник») (семантически переосмысленное фонетическое заимствование). В исходном значении сочетание называет тонкую лапшу, однако созвучие английскому fans закрепило за ним обозначение аудитории. В медиатексте контекст снимает омонимию, а намеренное столкновение двух значений может создавать языковую игру [12].

Исследование О. Турмыс подтверждает, что английские заимствования стали заметной частью современной китайской лексики и распределяются по нескольким моделям освоения [12]. Более поздний анализ терминов, связанных с производством цемента, показывает, что выбор и закрепление варианта зависят также от профессиональной среды и конкуренции номинаций [10].

Предлагаемая четырёхэтапная модель устраняет распространённую ошибку: считать любое слово английского происхождения одинаково «чужим». Если единица получила устойчивую графику, грамматическое поведение, производные и собственные оценочные оттенки, она уже включена в систему принимающего языка. Для перевода важнее установить её функцию в конкретном заголовке или сообщении, чем механически возвращать предполагаемый английский прототип.

Список литературы:

1. Haugen E. The Analysis of Linguistic Borrowing // *Language*. 1950. Vol. 26. No. 2. P. 210-231. DOI: 10.2307/410058.
2. Weinreich U. *Languages in Contact: Findings and Problems*. The Hague: Mouton, 1968. 148 p.
3. Haspelmath M., Tadmor U. (eds.). *Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2009. 1081 p. DOI: 10.1515/9783110218442.
4. Görlach M. *A Dictionary of European Anglicisms: A Usage Dictionary of Anglicisms in Sixteen European Languages*. Oxford: Oxford University Press, 2001. 352 p.
5. Furiassi C., Pulcini V., Rodríguez González F. (eds.). *The Anglicization of European Lexis*. Amsterdam: John Benjamins, 2012. 356 p. DOI: 10.1075/z.174.
6. Onysko A., Winter-Froemel E. *Necessary Loans - Luxury Loans? Exploring the Pragmatic Dimension of Borrowing*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2011. 278 p. DOI: 10.1515/9783110226619.
7. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // *Русский язык конца XX столетия*. Москва: Языки русской культуры, 1996. С. 142-161.
8. Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX - начала XXI века: проблемы освоения и функционирования. Москва: Элпис, 2008. 495 с.
9. Perfilieva N. V., Hu P. Assimilation of English Loanwords in Chinese // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2018. Vol. 9. No. 2. P. 287-301. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-287-301.

10. Mo R., Xiao H.-Z. Ecolinguistic Dynamics of English Loanwords in Chinese: A Case Study on Terms for Cement // Humanities and Social Sciences Communications. 2024. Vol. 11. Article 1319. DOI: 10.1057/s41599-024-03860-2.
11. Chen X. Features of Adaptation of English Borrowings in Chinese (Using the Word 'Hacker') // Nauchnyi dialog. 2021. No. 9. P. 128–141. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-128-141.
12. Turmys O. English Borrowings in Chinese: Features of Functioning // Chinese Studies. 2021. No. 1. P. 229–238. DOI: 10.51198/chinesest2021.01.229.

References:

1. Haugen E. Analysis of Language Borrowing // Language. 1950. Vol. 26. No. 2. Pp. 210–231. DOI: 10.2307/410058.
2. Weinreich U. Languages in Contact: Findings and Problems. The Hague: Mouton, 1968. 148 p.
3. Haspelmath M., Tadmor U. (eds.). Borrowing in the World's Languages: A Comparative Handbook. Berlin: De Gruyter Mouton, 2009. 1081 p. DOI: 10.1515/9783110218442.
4. Görlach M. Dictionary of European Anglicisms: a dictionary of the use of Anglicisms in sixteen European languages. Oxford: Oxford University Press, 2001. 352 p.
5. Furiasse C., Pulcini V., Rodríguez González F. (eds.). The Anglicization of European Vocabulary. Amsterdam: John Benjamins, 2012. 556 p. DOI: 10.1075/z.174.
6. Onisko A., Winter-Frommel E. Necessary Borrowings – Luxurious Borrowings? A Study of the Pragmatic Aspect of Borrowings. Berlin: De Gruyter Mouton, 2011. 278 p. DOI: 10.1515/9783110226619.
7. Krysin L. P. A Foreign Word in the Context of Modern Public Life // The Russian Language at the End of the 20th Century. Moscow: Languages of Russian Culture, 1996. Pp. 142–161.
8. Marinova E. V. Foreign Words in Russian Speech at the End of the 20th – Beginning of the 21st Century: Problems of Assimilation and Functioning. Moscow: Elpis, 2008. 495 p.
9. Perfilieva N. V., Hu P. Assimilation of English Loanwords in the Chinese Language // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics, Semiotics, Semantics. 2018. Vol. 9. No. 2. Pp. 287–301. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-287-301.
10. Mo R., Xiao H.-C. Eco-linguistic dynamics of English borrowings in Chinese: a case study of cement-related terms // Communication in the Humanities and Social Sciences. 2024. Vol. 11. Article 1319. DOI: 10.1057/s41599-024-03860-2
11. Chen S. Features of the adaptation of English borrowings in Chinese (using the example of the word "hacker") // Scientific Dialogue. 2021. No. 9. pp. 128–141. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-128-141.
12. Turmys O. English borrowings in the Chinese language: features of functioning // Chinese Studies. 2021. No. 1. Pp. 229–238. DOI: 10.51198/chinesest2021.01.229.